

УДК 338.14

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ В РЕГИОНАХ РОССИИ*

В. И. Алешникова

Государственный университет управления

Т. А. Бурцева

Российский технологический университет – МИРЭА

Поступила в редакцию 18 октября 2019 г.

Аннотация: проанализированы основные причины существования теневых рынков и инструменты борьбы с ними, показана роль цифровых методов контроля, позволяющих результативно сокращать масштаб теневого сектора экономики. Систематизированы факторы формирования и роста теневой деятельности в регионах России. Аргументируется положение о необходимости комплексного подхода к снижению теневой экономики на национальном, отраслевом и региональном уровнях. Доказывается необходимость разработки и реализации системы региональных мер противодействия теневому сектору, увязанных со Стратегией национальной безопасности, Основными направлениями бюджетной, налоговой и тарифно-таможенной политики на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг.

Ключевые слова: теневая экономика, причины возникновения теневых рынков, методы измерения масштабов теневой экономики, цифровые инструменты снижения теневого сектора, факторы формирования структуры теневой экономики в регионах.

Abstract: the authors analyzed the main reasons for the existence of shadow markets and tools to combat them, showed the role of digital control methods that effectively reduce the scale of the shadow sector of the economy. The article systematizes the factors of formation and growth of shadow activity in the regions of Russia. The study argues for the need for a comprehensive approach to reducing the shadow economy at the national, sectoral and regional levels. The authors argue the need to develop and implement a system of regional measures to counter the shadow sector, linked to the national security Strategy; the Main directions of the budget, tax and tariff and customs policy for 2019 and the planning period 2020 and 2021.

Key words: the shadow economy, the causes of shadow markets, methods of measuring the scale of the shadow economy, digital tools to reduce the shadow sector, the factors of formation of the structure of the shadow economy in the regions.

Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается в том числе принятием на государственном уровне ряда нормативно-правовых актов, направленных на противодействие коррупции, которая тесно связана с теневой экономикой: Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 237-ФЗ «О противодействии коррупции»;

Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утверждена Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г.) и других. Российская Федерация ратифицировала международные конвенции по борьбе с криминальной экономикой.

Кроме того, в 2001 г. были созданы Финансовая служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) и ее территориальные органы, осуществ-

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-410-400002а(р)) и Правительства Калужской области.

© Алешникова В. И., Бурцева Т. А., 2019

вляющие функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и оружия массового уничтожения, по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в этой области, координации деятельности в этой сфере, оценке угроз национальной безопасности; Межведомственная комиссия по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, одной из угроз экономической безопасности названо сохранение значительной доли теневой экономики; борьба с теневой экономикой признана одной из ключевых задач Правительства РФ [1].

Значимость проблемы привлекает внимание ученых и практиков: ведутся дискуссии на страницах журналов, в 2014 г. появилось специализированное издание «Теневая экономика»; выходят монографии [2; 3]; защищаются диссертации [4; 5]; в июне 2019 г. в Чите состоялся круглый стол, в сентябре 2019 г. в Баку (Азербайджан) прошла международная конференция «Борьба с теневой экономикой как значимый фактор устойчивого экономического роста», а в октябре в РАН – еще одна международная научно-практическая конференция «Оценка занятости и необходимых навыков в неформальной экономике: подходы и выводы из регионального и местного мониторинга рынка труда».

Однако тот факт, что, по оценкам МВФ, Ассоциации дипломированных сертифицированных

бухгалтеров (АССА), уровень теневой экономики в России значительно выше показателей в развитых странах и, по прогнозам, ситуация в ближайшее время не изменится, свидетельствует о недостаточности усилий по снижению ее масштабов.

Ключевые проблемы теории и практики противодействия теневому сектору

В настоящее время исследования российских и зарубежных ученых ведутся по трем ключевым направлениям:

– обоснование сущностных и содержательных характеристик теневой экономики [5–7];

– разработка и систематизация методического инструментария оценки масштабов теневого сектора экономики [2; 7–12]. В достаточно полном виде методы оценки параметров теневой экономики по трем крупным блокам представлены в работе Е. Петрова [10], некоторые из них раскрыты в работе М. М. Балоба [13];

– систематизация инструментов снижения масштабов теневой деятельности [4; 5; 14].

Однако до сих пор нет общепринятых методологических подходов к определению структуры и состава теневых видов деятельности, оценке масштабов теневой экономики. Наличие теоретико-методологических проблем затрудняет измерение теневой экономики, проведение сравнительного анализа и разработку предложений по противодействию ее разрастанию на уровне страны, отраслей и регионов.

Анализ различных исследований уровня теневой экономики в России фиксирует проблему ее оценки. Рассмотрим некоторые примеры. Согласно данным АССА (табл. 1) уровень теневого сектора в России

Т а б л и ц а 1

Анализ масштабов теневой экономики (в % к ВВП) [16]

Страна	2011 г.	2016 г.	2017 г.	Прогноз		В среднем за 2011–2025 гг.
				2020 г.	2025 г.	
По миру в целом	23,1	22,6	22,5	22,11	21,39	22,35
США	8,2	7,78	7,69	7,42	6,94	7,59
Япония	10,22	10,08	9,89	9,42	7,86	9,5
Китай	10,53	10,15	10,17	10,05	9,9	10,12
Австралия	12,82	11,4	11,09	10,24	8,89	10,85
Канада	14,82	14,4	14,15	13,95	13,8	14,3
Италия	26,24	26,32	26,5	26,56	26,37	26,37
Кения	27,77	26,82	26,79	26,6	26,72	26,89
Эстония	27,78	28,48	28,4	28,09	26,46	27,83
Болгария	30,28	29,93	29,85	29,56	29,56	30,06
Пакистан	32,5	31,78	31,99	32,41	33,89	32,46
Бразилия	35,57	34,76	34,75	34,48	34,2	34,69
Россия	39,33	39,07	39,29	39,37	39,3	39,19
Украина	45,16	45,96	46,12	46,1	45,98	45,84

составлял почти 40 % от объема ВВП в 2017 г. По оценкам Росфинмониторинга, размер теневого сектора (серый импорт, сокрытие доходов от уплаты налоговых и таможенных платежей, «черные» зарплаты) в 2018 г. составил 20 % ВВП и превышал 20 трлн руб. В 2015–2016 гг. он составлял 28 % [15].

Как видно из расчетов АССА, оценки экспертов более пессимистичны. В любом случае следует признать тот факт, что размер теневого сектора больше расходов федерального бюджета, бюджета на национальные проекты. По оценке Счетной палаты и Росстата, в 2018 г. потери бюджета из-за теневой занятости составили 2,3 трлн руб., в тени работают 15 млн россиян (около 20 % занятого населения) [15]. Контролирующие органы фиксируют использование теневыми структурами фиктивной внешнеэкономической деятельности с целью вывода денежных средств за пределы Российской Федерации.

Установлено, что сокрытие доходов в России распространено как среди физических лиц, коммерческих организаций, так и государственных учреждений. По оценкам Счетной палаты, бюджет недополучил 440 млрд руб. только от аренды государственных земель [там же]. Это сопоставимо с величиной, необходимой для покрытия дефицита Пенсионного фонда России.

Теневой сектор существует во всех странах, что связано с рядом объективных причин: наличия правового запрета, например, на оборот наркотических средств, легализацию доходов, полученных преступным путем; законодательно установленных барьеров вывода на рынок (например, возрастных ограничений на рынке труда, лицензирования, сертификации); особенностей государственной тарифной и налоговой политики и пр. Помимо этого, существует масса субъективных причин, связанных прежде всего с недостатками механизма правового, налогового контроля деятельности субъектов экономической деятельности.

В России за последние десять лет предприняты серьезные правовые, экономические, организационные усилия по снижению доли теневого сектора. Основными инструментами являются реформирование налоговой системы; препятствие «бегству» капитала; ужесточение борьбы с коррупцией и отмыванием «грязных» денег; пресечение подпольных производств и др. В стране разработан механизм, в соответствии с которым все платежи физических лиц с определенной суммы должны осуществляться в безналичной форме. А банки должны проверять происхождение средств и подтверждать уплату налогов по этим средствам. Российская Федерация

ведет активное взаимодействие с международными организациями: по вопросам нелегальной миграции – с МОТ; по противодействию преступности в финансовой сфере – с МВФ, ВБ; «Трансперэнси интернэшнл» / Transparency International; осуществляет совместные расследования с правоохранительными органами различных стран; участвует в решении проблем теневой экономики в рамках СНГ, АСЕАН, NAFTA, статистической комиссии ООН и т. п. Россия является с 2003 г. членом FATF – Financial Action Task Force on Money Laundering.

По данным ЦБ, рынок обналичивания за три года (2015–2018 гг.) сократился с 600 до 176 млрд руб. Эксперты отмечают уход теневого оборота наличных из банковской сферы в торговлю (рынки, магазины, автосалоны активизировали операции по обналичиванию); строительная отрасль продолжает оставаться основным потребителем услуг теневого сектора. В 2018 г. почти три четверти обналиченных денежных средств либо выведенных за рубеж по фиктивным основаниям пришлось на строительный сектор (29 % всех операций); торговлю промышленными и потребительскими товарами (по 16 %), производство (12 %).

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости внесения изменений в механизм контроля, инструменты и координации усилий по ограничению масштабов теневой экономики.

Ожидания значительного сдвига в сокращении теневого сектора связаны с цифровизацией экономики и налогового контроля, расширением доли безналичных расчетов, созданием искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег, введением электронных трудовых книжек. В настоящее время информационные технологии и цифровые инструменты уже доказали высокую результативность:

- по оценкам специалистов, снижению теневой деятельности способствовало законодательное закрепление требований по установке терминалов, осуществлению безналичных расчетов в секторах с высоким риском ухода в «тень»;

- цифровизация и автоматизация существенно повысили качество, оперативность налогового контроля;

- эффективность борьбы с контрабандой обеспечивается в том числе спутниковой навигацией, диспетчированием грузов с помощью систем ГЛОНАСС, GPS, Галилео;

- на снижение объема теневых операций во внешнеторговой деятельности влияет использование специальных голографических маркировок, радиодатчиков в системе ГЛОНАСС;

– положителен первый опыт по отслеживанию неплательщиков налогов по номеру автомобиля с помощью камер дорожного движения и др.

«Региональный портрет» теневой экономики в России

На уровне субъектов РФ методологические проблемы оценки размера теневых рынков усугубляются отсутствием методик, учитывающих региональную специфику. Все исследователи теневой экономики в регионах России сталкиваются при ее измерении с отсутствием необходимой информации (ряд показателей официально рассчитывается только по стране), несопоставимостью баз сравнения, особенностями уплаты налогов хозяйствующими субъектами и т. д., что приводит к погрешностям в расчетах.

Проведенный библиографический анализ показал, что исследователи для оценки масштабов теневой экономики в региональном разрезе адаптируют существующие отечественные и зарубежные методики [13; 17–20]. Например, методика, представленная в работе Д. Ю. Федотова, Е. Н. Невзоровой, Е. Н. Орловой [12], базируется на налоговом подходе. В основе оценки масштабов теневого сектора в Воронежской области Ю. Корчагина лежат численность занятых в неформальном секторе, сопоставление ВРП (валового регионального продукта) на душу населения и расходов населения, косвенные ориентиры (динамика объема вкладов, приобретения автомобилей и товаров длительного пользования и услуг) [18]. Эти и другие методы вызывают обоснованную критику из-за допускаемых условностей и погрешностей. Тем не менее все они фиксируют наличие существенных разрывов в масштабах теневой экономики российских территорий.

Расчеты специалистов показывают, что теневая экономика России по регионам распределена неравномерно. Так, М. М. Балог, используя методику Д. Ю. Федотова, Е. Н. Невзоровой, Е. Н. Орловой, установил, что самые масштабные теневые рынки находятся в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах (соответственно 50,5 и 59,5 % от валового регионального продукта в 2015 г.). Самая низкая доля теневого сектора – в Северо-Западном федеральном округе – 32,6 %. При этом внутри округа размер теневого сектора может варьироваться в широких пределах. Например, у входящих в ЦФО Белгородской области уровень составляет 60,5 %, а Московской – 36 % [13; 17].

По нашему мнению, основными факторами, влияющими на масштабы теневой экономики в

регионах РФ, выступают отраслевая специализация региона; состояние развития экономики (регионы-доноры, слаборазвитые, депрессивные регионы и т. д.); особенности географического положения (приграничный регион, логический и транспортный центр и т. п.); характер миграционных процессов. К числу ключевых подфакторов, влияющих на специфику и уровень теневой деятельности, в том числе и внутри самих регионов, относятся уровень безработицы; уровень доходов населения; численность неформально занятого населения; удовлетворенность населения условиями жизни в регионе; доля малых предприятий.

Рассмотрим «региональный портрет» теневой экономики в разрезе выделенных выше факторов. Теневая деятельность в регионах формируется вокруг доминирующей отрасли (отраслей). По оценкам экспертов, в Москве и Санкт-Петербурге теневой сектор связан с кредитно-финансовой сферой, оптовой и розничной торговлей, жилой и торговой недвижимостью. По данным Банка России, нелегальный оборот в крупнейших торговых центрах (Садовод, Фуд Сити, Москва) превышает легальные продажи в Москве и составляет не менее пятой части ежемесячного легального розничного оборота в стране. В то время как, например, в Воронежской области высокий уровень теневого сектора локализуется главным образом в сельском хозяйстве, розничной и оптовой торговле, строительстве [18]. В добывающих регионах масштабы теневой и криминальной деятельности связаны с добычей нефти, газа, алмазов, золота, никеля, алюминия, янтаря. По мнению экспертов, в Северо-Западном федеральном округе теневой сектор разрастается вокруг производства автокомпонентов, фармацевтики, пищевой промышленности, торговли, пассажирских и грузовых перевозок [21]. В Крыму теневой сектор главным образом связан с гостинично-туристическим бизнесом.

Неравномерность социально-экономического развития регионов коррелируется с уровнем развития в них теневых рынков (табл. 2). Высокий уровень безработицы в некоторых регионах страны подталкивает к поиску рабочих мест в теневом секторе своего региона и за его пределами, в том числе и за границами РФ.

Свой «окрас» имеет теневая экономика в портовых городах и приграничных регионах. Таможенная служба чаще всего сталкивается здесь с незаконным оборотом (недекларирование/контрабанда, контрафакт, фальсификат), который распол-

Уровень безработицы, реальных доходов на душу населения
в федеральных округах РФ в 2019 г. и доля теневой экономики в 2015 г. [13; 17]

Показатель Федеральный округ	Уровень безработицы в апреле – июне 2019 г.	Динамика реальных доходов 1 кв. 2019 г. (в % к аналогичному периоду 2018 г.)	Миграционные процессы в 1 полугодии 2019 г. (тыс. чел.)	Доля теневой экономики к ВРП в 2015 г. в федеральных округах РФ, %
Центральный	2,9	99,3 Положительную динамику имеют только Липецкая и Тверская области, Москва	+76,9 (компенсировал естественную убыль населения на 104 %)	33,9
Северо-Западный	3,5	96,8 Положительную динамику имеет только Новгородская область	+17,7 (компенсировал естественную убыль населения на 77,6 %)	32,6
Южный	5,3	96,7 Положительную динамику имеют только Республика Адыгея и Ростовская область	+28,1 (компенсировал естественную убыль населения на 84,8 %)	50,5
Северо-Кавказский	11,1 Ингушетия – 26,6	98,2 Положительную динамику имеют Карачаево-Черкесская, Осетия – Алания и Чеченская республики	+3,6	59,5
Приволжский	4,2	98,0 Незначительную положительную динамику имеют только Чувашская Республика и Самарская область	+0,1	43,8
Уральский	4,3 Республика Алтай – 10,3 Республика Тыва – 11,6	98,9	+10,7 (компенсировал естественную убыль населения на 52,5 %)	44,0
Сибирский	5,8	97,5	-0,1 (отток)	43,3
Дальневосточный	6,0	92,9 Положительную динамику имеют Забайкальский, Камчатский и Приморский края	-3,0 (отток)	46,7

зается по стране и является мощным источником для подпитки теневого бизнеса. Так, в приморских городах теневой сектор связан с рыбным промыслом и контрабандой продукции при пересечении границ РФ. А, например, в приграничных регионах (Брянская, Калининградская, Смоленская, Саратовская, Самарская, Оренбургская и Челябинская области) теневой сектор процветает на контрабанде сигарет, икры, сахара, алкоголя и т. п.

Очевидно, что для противодействия разрастанию теневого сектора должен быть разработан комплекс мер, включающий в себя совокупность общих для всех регионов и специфических инструментов, учитывающих территориальные особенности.

В настоящее время к типичным мерам борьбы с теневой деятельностью в регионах относятся рейды, проверки, заседания, направленные на выявление и легализацию теневого бизнеса; формирование условий для осуществления легальной деятельности; информационные мероприятия, разъяснительная работа. Например, в четырех регионах России (Москва, Татарстан, Московская и Калужская области) с начала 2019 г. в тестовом режиме вступил в силу законопроект о введении налога для самозанятых. В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ некоторые категории самозанятых граждан, обратившиеся в налоговую службу (няни, сиделки, репетиторы, домработницы,

отделочники, парикмахеры, фотографы, организаторы свадеб, специалисты по ремонту компьютеров, бытовой техники и др.), на два года освобождаются от уплаты НДС и страховых взносов, если они не зарегистрированы в качестве ИП и не привлекают наемных работников. Регионы, пользуясь предоставленной возможностью, таким образом пытаются официально вывести из «тени» эти виды деятельности. В Рязанской области принят закон о продлении освобождения от уплаты НДС и страховых взносов на 2019 г.

Далее приведены примеры специфических мер по снижению теневого сектора в регионах:

– в Калужской области принято распоряжение губернатора от 27 декабря 2000 г. № 393-р «О мерах по выводу автоперевозчиков из сферы теневой экономики»;

– в Вологодской области к числу проблемных, теневых сфер относятся лесная отрасль, пассажирские перевозки, неформальная занятость и нелегальный бизнес, муниципальное имущество. В связи с чем была усилена контрольно-надзорная деятельность, выявляются незарегистрированные земельные участки и имущество, принимаются меры по легализации трудовой деятельности;

– в Ульяновской области выявлено 17 зон локализации теневого бизнеса и разработана дорожная карта по снижению доли теневого сектора [22];

– на сайте Министерства курортов и туризма Крыма размещена информация о начале информационной, правовой и административной кампании по выводу из тени нелегальных гостиниц. С конца 2018 г. Республика Крым приступила к разработке мер, которые позволили бы вывести сферу гостеприимства из тени в течение 3–5 лет, используя прежде всего

различные льготы, налоговые каникулы, введение патентов для самозанятого населения и т. п.

Очевидно, что регионам следует активнее использовать возможности цифровых инструментов контроля масштабов и видов теневой деятельности, которые должны стать частью программ противодействия разрастанию теневого сектора. Этому аспекту необходимо уделить особое место на официальных сайтах территорий, в социальных пабликах глав администраций. Население должно понимать, что конкретно делается в плане борьбы и каковы возможности вывода «из тени», легализации деятельности.

Подводя итог, отметим, что теневая экономика самым тесным образом связана с формальной экономической деятельностью, нулевого уровня теневой экономики не существует ни в одной стране мира. Она сложно поддается учету и контролю. Неоднозначность природы теневой экономики, отсутствие единой трактовки ее сущности и унифицированного подхода к оценке масштабов затрудняют проведение исследований и разработку предложений по ее снижению на макро-, мезо- и микроуровнях.

Ключевой задачей государства являются побуждение регионов к активным действиям по формированию и реализации системы мер, программ и проектов по противодействию разрастанию теневой экономики; объединение усилий практиков и ученых для разработки результативных инструментов ограничения масштабов теневого сектора, изучения, систематизации и имплементации лучших региональных и зарубежных практик борьбы с теневым сектором; а также международное сотрудничество в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления бюджетной, налоговой и тарифно-таможенной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 гг. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/

2. Рябушкин Б. Т. Развитие социально-экономической статистики (Российский опыт 1996–2010 гг.) : монография / Б. Т. Рябушкин. – М. : Статистика России, 2017. – С. 62–109.

3. Сулакшин С. С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : монография : в 2 т. / С. С. Сулакшин, И. Р. Ахметзянова, С. В. Максимов. – М. : Научный эксперт, 2008. – Т. 1. – 464 с.

4. Маслов В. А. Внешнеэкономические аспекты теневой экономики в современном мировом хозяйстве : дис. ... канд. экон. наук / В. А. Маслов. – М., 2010. – 195 с.

5. Чеджоев Р. Б. Формирование механизма противодействия теневому сектору российской экономики : дис. ... канд. экон. наук / Р. Б. Чеджоев. – СПб., 2016. – 147 с.

6. Кийко М. Теневая экономика : генезис, эволюция, современная структура / М. Кийко // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 1. – С. –28–38.

7. Medina Leandro, Schneider Friedrich. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? January 24, 2018. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2018/01/25/shadow-economies-around-the-world-what-did-we-learn-over-the-last-20-years-45583>

8. Белик К. В. Методы статистической оценки теневой экономики / К. В. Белик // Наука и образование в глобальных процессах. – 2018. – № 1 (5). – С. 77–79.

9. Глотов В. И. Методы оценки теневой экономики / В. И. Глотов, М. В. Русакович, А. И. Колгушкин. – М. : РАЕН, 2017. – 24 с.

10. Перов Е. В. Оценка теневой экономики России / Е. В. Перов // Управление экономическими системами. – 2015. – № 3 (75). – URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34065307>
11. Сулейманова Н. Х. Подходы к количественной оценке объемов теневой экономики / Н. Х. Сулейманова // Молодой ученый. – 2015. – № 21. – С. 478–481.
12. Федотов Д. Ю. Налоговый метод расчета величины теневой экономики российских регионов / Д. Ю. Федотов, Е. Н. Невзорова, Е. Н. Орлова // Финансы и кредит. – 2016. – № 15. – С. 20–33.
13. Балог М. М. Измерение теневой экономики в регионах России / М. М. Балог // Вестник Псковск. гос. ун-та. – 2017. – № 6. – С. 49–56.
14. Суслина А. Л. Борьба с теневой экономикой в России : частные аспекты общих проблем / А. Л. Суслина, Р. С. Суслин // Финансовый журнал/Financial Journal. – 2016. – С. 46–61.
15. Финмаркет. – URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/5016093>
16. Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025. – URL: www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy.pdf
17. Балог М. М. Динамика теневой экономики в контексте угроз финансовой безопасности региона / М. М. Балог, С. Е. Демидова, В. В. Троян // ЭТАП : Экономическая теория, анализ, практика. – 2017. – № 6. – С. 112–133.
18. Корчагин Ю. Среди регионов России по теневой экономике Воронежскую область обгоняют только республики Северного Кавказа / Ю. Корчагин. – URL: https://abireg.ru/n_10539.html
19. Рамазанова Э. А. Сокращение теневого сектора как условие снижения дотационности экономики региона / Э. А. Рамазанова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11–7. – С. 1471–1474. – URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39861>
20. Цепелев О. А. Факторы формирования и роста ненаблюдаемой экономики в регионах Дальнего Востока России / О. А. Цепелев // Региональная экономика и управление (электронный журнал). – 2018. – № 4 (56). – URL: <https://eee-region.ru/article/5619/>
21. Регионы Северо-Запада ищут методы борьбы с теневым предпринимательством. – URL: <http://www.pravcons.ru/articles/analisisnews/regiony-severozapada-ishchut-metody-borby-s-tenevym-predprinimatelstvom/>
22. Михайлова Н. 17 зон локализации теневой экономики в Ульяновской области / Н. Михайлова. – URL: <https://ulpressa.ru/2019/03/01>

*Государственный университет управления
(Москва)*

*Алешникова В. И., доктор экономических наук,
профессор кафедры маркетинга*

E-mail: manager.vsu@gmail.com

*Российский технологический университет –
МИРЭА (Москва)*

*Бурцева Т. А., доктор экономических наук, доцент
кафедры статистики*

E-mail: bur69@mail.ru

*The State University of Management (Moscow)
Aleshnikova V. I., Doctor of Economic, Professor
E-mail: manager.vsu@gmail.com*

Russian Technological University – MIREA (Moscow)

Burtseva T. A., Doctor of Economic, Associate Professor

E-mail: bur69@mail.ru